

ИНГУШСКІЯ СКАЗКИ.

1. Кто дороже?

Въ одномъ селеніи, въ которомъ было болѣе девяти тысячъ дымомъ (сакель), жилъ князь, по имени Олдомъ. Однажды, когда князь находился въ отлучкѣ изъ своего селенія, его убилъ какой то персидскій ханъ. Жена Олдома на ту пору была беременна и вскорѣ послѣ смерти мужа родила мальчика, которому дала имя Гази. Она знала, какою смертію умеръ ея мужъ, но не говорила объ этомъ своему подроставшему сыну, считая преждевременнымъ смущать дѣтское сердце.

Мѣжду тѣмъ Гази росъ веселымъ и здоровымъ мальчикомъ. Какъ то разъ, когда ему было уже 12 лѣтъ, въ одинъ жаркій лѣтній день, онъ игралъ съ своими сверстниками на улицѣ селенія въ альчики (косточки изъ заднихъ ногъ барана). Между мальчиками изъ-за чего то произошла ссора, во время которой одинъ изъ товарищей Гази сказалъ ему:

— „Эхъ ты, баба! Твоего отца убили, а ты до сихъ поръ не отомстилъ убійцѣ его!“

Услышавъ такой упрекъ, Гази горько заплакалъ и побѣжалъ домой. Дома онъ спросилъ мать, дѣйствительно ли его отецъ убитъ и кѣмъ именно. Мать вначалѣ ничего не отвѣчала на вопросъ сына, но когда тотъ пригрозилъ ей, что убьетъ её самое, она рассказала ему все, что только было извѣстно ей о смерти мужа и объ убійцѣ его.

Съ этой поры Гази пересталъ играть со своими товарищами, надѣлъ на себя отцовскую овчинную шубу обулъ сафьяновые башмаки съ деревянными подошвами, взялъ длин-

ную палку съ крючкомъ, съ какой обыкновенно ходять старики,—вообще хотѣлъ показать себя не легкомысленнымъ мальчикомъ, а серьезнымъ взрослымъ человѣкомъ, а когда дождался онъ пятницы (праздничный день у магометанъ), то поспѣшилъ раньше всѣхъ притти въ мечеть на молитву. Мулла еще не приходилъ, и становиться на молитву было рано. Гази присѣлъ около мечети и погрузился въ горькую думу о своемъ отцѣ. Вдругъ онъ видитъ,—скачетъ какой то всадникъ, направляясь прямо къ мечети; прискакалъ онъ и остановился около него. Поднялъ голову Гази и спросилъ всадника:

— „Что ты скажешь мнѣ новаго?“

Всадникъ отвѣтилъ:

— „Сегодня вечеромъ убійца твоего отца, отправляясь въ Стамбуль, будетъ проѣзжать близъ селенія, по мосту черезъ рѣку. И если ты теперь не убьешь его, то послѣ ужъ никогда его не встрѣтишь“.

Сказавъ это всадникъ и ускакалъ прочь отъ Гази. Не успѣлъ онъ скрыться изъ глазъ изумленнаго такимъ сообщеніемъ мальчика, какъ по дорогѣ показался другой, скачущій на лошади, всадникъ, который, какъ и первый, подскакавъ къ мечети, остановился передъ Гази.

— „Ты что скажешь мнѣ новаго?“ обрѣтился къ нему мальчикъ.

— „Сегодня вечеромъ къ тебѣ въ домъ пріѣдетъ князь, присяжный другъ твоего отца*), а съ нимъ шестьдесятъ человѣкъ его товарищей,“—отвѣтилъ второй всадникъ и тотчасъ же быстро удалился отъ мечети.

Вслѣдъ за вторымъ всадникомъ къ Гази прискакалъ третій. Этотъ на вопросъ мальчика о новостяхъ отвѣчалъ, что, когда еще онъ, Гази, не родился, отецъ его далъ клят-

*) Присяжнымъ другомъ называется тотъ, который поклянется въ вѣрности своему другу. У русскихъ—побратимъ. У туземцевъ сѣв. Кавказа присяжный другъ считается дороже родного брата. *Собираетель.*

венное обѣщаніе женить своего сына, если таковой у него родится, на дѣвушкѣ, дочери его сосѣда.

— „Сегодня же,“ говорилъ всадникъ, „твоя невѣста выходитъ за другого, и если ты теперь не возмешь ее въ свой домъ, какъ свою жену, то ужъ больше никогда не увидишь ея“.

И этотъ всадникъ, какъ и два первыхъ, сообщивъ Гази новость, ускакалъ прочь отъ него.

Сидитъ Гази и думаетъ, что ему сначала сдѣлать: убить ли убійцу отца, принять ли гостей, или же привести въ свой домъ молодую жену. Думалъ онъ думалъ и не могъ рѣшить, что слѣдовало бы ему сначала сдѣлать. Пришелъ онъ домой, взялъ трехструнную балалайку, сѣлъ на трехногой скамейкѣ у очага и въ глубокой задумчивости началъ перебирать струны, и сдѣлался онъ чернѣе угля и синѣе золы въ очагѣ*).

Увидѣвъ сына въ такомъ грустномъ настроеніи, мать спросила его, что съ нимъ случилось. Гази и рассказалъ матери о томъ, что ему говорили трое всадниковъ. Мать на это замѣтила:

— „Убійцѣ отца, пока онъ живъ, ты можешь отомстить во всякое время. Также успѣешь взять себѣ въ жены и невѣсту, засватанную покойнымъ отцомъ, а если не удастся взять ее, то развѣ мало въ селеніи красивыхъ дѣвушекъ?! На любой изъ нихъ ты можешь жениться. Такихъ же дорогихъ гостей, какъ присяжный другъ твоего отца, ты не всегда можешь видѣть въ своемъ домѣ, а потому тебѣ и надлежитъ прежде всего принять и угостить какъ можно лучше своихъ гостей“.

*) Гиперболическое сравненіе; приведено въ сказкѣ съ цѣлью показать скорбь мальчика, его удрученное состояніе души вслѣдствіе неразрѣшенія имъ вопроса, что ему предстоитъ вначалѣ сдѣлать: отомстить-ли убійцѣ за смерть отца, принять ли гостей, или же привести въ домъ жену.

Послушался Гази совѣта матери и началъ готовиться къ приему гостей. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, во дворъ дома вѣхали всадники, числомъ шестьдесятъ одинъ. Принялъ Гази отъ нихъ лошадей, поставилъ въ конюшню; затѣмъ пригласилъ гостей пожаловать въ кунацкую *).

Пользуясь тѣмъ, что гости занялись ѣдой, онъ незамѣтно вышелъ изъ кунацкой, взялъ ружье, кинжалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ тому мосту, по которому долженъ былъ проѣзжать убійца его отца. Отвелъ Гази своего коня въ сторону, самъ же притаился у моста. Черезъ нѣкоторое время подъѣхалъ на конѣ къ мосту какой то человѣкъ. Конь его вдругъ чего то испугался и шарахнулъ въ сторону. Выругался всадникъ на своего коня.

— „Чего ты, глупый, испугался?“ проговорилъ онъ. „Тебѣ вѣдь нечего пугаться: сынъ убитого мною князя Олдома — мальчишка, и до двадцати лѣтъ ему не хватаетъ еще восьми, конь его тоже молодъ, — до пяти лѣтъ ему не хватаетъ трехъ. Намъ ли съ тобой бояться ихъ?“

Услышавъ Гази слова убійцы отца, вышелъ изъ засады и сказалъ:

— „Слышалъ я твои рѣчи, ханъ, и скажу тебѣ на нихъ, что, хотя мнѣ до двадцати лѣтъ не хватаетъ еще восьми, а моему коню до пяти лѣтъ трехъ, но справиться съ тобой я всё-таки сумѣю. А чтобы впослѣдствіи народъ не говорилъ, что я тебя убилъ изъ засады, какъ трусъ, а не въ честномъ поединкѣ, какъ джигитъ, то выходи со мной въ открытый бой: ктонибудь изъ насъ долженъ быть убитымъ, — или ты, или я. Ну, стрѣляй въ меня!“

Стыдно было хану стрѣлять въ мальчика, и онъ сказалъ:

— „Нѣтъ, стрѣлять долженъ ты въ меня, потому что я первый причинилъ тебѣ много горя, убивъ твоего отца“.

*) Отдѣльно стоящее во дворѣ помѣщеніе для пріѣзжихъ гостей.

Выхватилъ Гази изъ чехла ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. Свалился съ лошади ханъ и, умирая, просилъ Гази:

— „Не терзай моего тѣла, не дай его на растерзаніе птицамъ и звѣрямъ хищнымъ: убивъ твоего отца, я закопалъ трупъ его въ землю“.

И вскорѣ затѣмъ ханъ умеръ. Отрубилъ Гази у него голову и спряталъ въ сумку, накрылъ буркой его трупъ, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ въ селеніе. Подѣхалъ онъ ко двору своего сосѣда. Во дворѣ въ это время собралось много гостей и между ними шла веселая пляска. Слѣзъ съ коня Гази и, улучивъ минуту, попросилъ одну знакомую дѣвушку вызвать къ нему на улицу его невѣсту.

Дѣвушка постаралась исполнить его просьбу, и когда невѣста вышла на улицу, Гази схватилъ ее, посадилъ на коня и ускакалъ домой. Привелъ онъ ее въ комнату матери и сказалъ.

— „Мать, прійми эту дѣвушку,—она моя жена“.

Мать, не зная, что сынъ ея принялъ уже въ домъ гостей и отомстилъ за смерть отца, разсердилась на него и сказала:

— „Чтобы тебѣ съ ней не прожить и однѣхъ сутокъ!“

Въ отвѣтъ на слова матери Гази вынулъ изъ сумки голову хана и покатылъ ее по полу. Мать сильно обрадовалась, понявъ, что убійца ея мужа убить сыномъ, а когда узнала, что послѣдній принялъ въ домъ и друга покойнаго князя Олдома съ товарищами, то благословила бракъ сына и на радостяхъ заплакала.

Къ утру Гази укралъ въ степи изъ табуна шестьдесятъ-одного коня и подарилъ ихъ своимъ гостямъ.

Спустя недѣлю по отѣздѣ гостей онъ женился на похищенной имъ дочери сосѣда и счастливо зажилъ съ ней.

2. Слѣдуетъ ли гордиться передъ женщиной?

Жили на свѣтѣ мужъ и жена; изъ дѣтей у нихъ былъ только одинъ сынъ. Мужъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ: стрѣлой, пущенной изъ лука, онъ на далекомъ разстояніи попадалъ въ яйцо, поставленное у жены на пальцѣ руки, и еще никогда не было случая, чтобы онъ промахнулся. Своимъ искусствомъ онъ очень гордился предъ женой и нерѣдко говорилъ ей, что на всемъ свѣтѣ нельзя найти болѣе достойнаго мужа, какъ онъ.

Однажды, когда онъ ужъ слишкомъ надоѣлъ женѣ своимъ хвастовствомъ, она ему замѣтила, что на свѣтѣ навѣрно найдутся люди искуснѣе его въ стрѣльбѣ изъ лука и сильнѣе его. Не понравилось мужу такое замѣчаніе жены, страшно разсердился онъ на нее и выгналъ ее съ сыномъ изъ дома.

— „Ступай себѣ съ сыномъ искать по свѣту такого человѣка!“ сказалъ онъ, выгоняя изъ дома жену.

Пошла женщина съ ребенкомъ, куда глаза глядятъ. Долго шли они, наконецъ приблизились къ громадной кремневой горѣ. На этой горѣ сидѣлъ человѣкъ, котораго звали Тото. Ударами ногъ онъ отламывалъ отъ горы огромныя глыбы, которымъ затѣмъ однѣми только голыми руками, безъ помощи какихъ бы то ни было инструментовъ, придавалъ ту или иную форму. Увидѣлъ онъ женщину съ ребенкомъ, очень обрадовался. „Вотъ у меня теперь будетъ жена и сынъ“, подумалъ онъ. Затѣмъ, обратившись къ женщинѣ, онъ сказалъ:

— „Оставайся жить со мною!“

Женщина на это отвѣтила, что она сначала поидетъ и скажетъ своему мужу, что она нашла человѣка искуснѣе и сильнѣе его. При этомъ она рассказала Тото, что мужъ

ея очень искусный стрѣлокъ, и тѣмъ гордится передъ ней.

— „А, ну, пусть онъ покажется сюда, я посмотрю, какой онъ тамъ стрѣлокъ“, засмѣялся Тото, принимаясь за свою работу.

Пришла женщина домой и рассказала мужу о Тото.

— „Хорошо же“, проговорилъ мужъ, „узнаемъ, кто изъ насъ искуснѣе: я или Тото“.

Взявъ съ собой мужъ лукъ и стрѣлы и отправился разыскивать Тото. Приблизился онъ къ кремневой горѣ и увидѣлъ на ней Тото, занятого своею работой. Засѣлъ онъ въ скалахъ такъ, что Тото не могъ его замѣтить. Натянулъ онъ тетиву и пустилъ стрѣлу въ Тото. Попала стрѣла въ спину Тото и вышла въ животъ. Тото только почесался, полагая, что его укусила муха. Пустилъ стрѣлокъ и другую стрѣлу, которая пробивъ затылокъ Тото, вышла сквозь лобъ. Тото опять только почесался, но, увидѣвъ стрѣлу, осмотрѣлся кругомъ. Замѣтилъ онъ схоронившагося за скалами стрѣлка, слѣзъ съ горы, вырвалъ съ корнемъ огромное дерево, обломалъ руками на немъ сучья, взвалилъ его на плечо и пошелъ къ убѣжищу стрѣлка.

Испугался стрѣлокъ и бросился бѣжать отъ Тото. Последній погнался за нимъ. Бѣжить стрѣлокъ и видѣть пастуха, пасущаго огромное стадо козъ. Подбѣжалъ онъ къ пастуху и говоритъ задыхающимся отъ усталости голосомъ:

— „Я твой гость... За мной гонится великанъ Тото и хочетъ меня убить. Прошу тебя,—спаси меня*)“.

Внявъ пастухъ просьбѣ стрѣлка, взялъ и посадилъ его къ себѣ въ ротъ на сломанный зубъ.

Прибѣгаетъ къ нему Тото и спрашиваетъ его, не ви-

*) По обычаю туземцевъ сѣвернаго Кавказа, каждый человѣкъ, у котораго просятъ защиты отъ преслѣдованія врага и при этомъ называютъ себя гостемъ его, обязанъ оказать преслѣдуемому всевозможную защиту и въ крайнемъ случаѣ умереть за него.

дѣлъ ли онъ сейчасъ бѣжавшаго мимо человѣка. Пастухъ отвѣтилъ, что не видѣлъ; затѣмъ стукнулъ головой о землю, — въ землѣ образовалась глубокая расщелина, въ которую онъ и столкнулъ Тото. Потомъ снялъ онъ съ зуба стрѣлка и спросилъ, какъ это случилось, что Тото хотѣлъ его убить. Стрѣлокъ, не утаивая ни одного слова, рассказалъ пастуху о причинѣ ссоры между имъ и женой, а потомъ и о неудачной попыткѣ убить Тото. Выслушавъ пастухъ стрѣлка и сказалъ ему:

— „Съ этого времени никогда не хвались и гордись передъ женщиной ни своею ловкостью, ни своимъ умомъ, ни своей силой, а прежде хорошо разузнай, нѣтъ ли на свѣтѣ людей, которые превосходили бы тебя въ ловкости, умѣ и силѣ.

Ты, вотъ, послушай, что я тебѣ расскажу.

Было у насъ семеро братьевъ, и всѣ—такіе, какъ я. Однажды мы, въ полномъ боевомъ вооруженіи, сѣли на лошадей и поѣхали свѣтъ посмотреть. Ъхали мы степью и увидѣли—лежитъ человѣческій черепъ. Подѣхали мы ближе и всѣ семеро укрылись подъ нимъ вмѣстѣ со своими лошадьми. Вдругъ мы увидѣли, что какое-то чудовище издали приближалось къ намъ. Когда оно подошло ближе, то оказалось великаномъ, съ однимъ глазомъ во лбу*). Подошелъ великанъ къ черепу, сѣлъ на него и придавилъ насъ съ лошадьми.

*) Въ ингушскихъ сказкахъ часто упоминается объ одноглазыхъ исполинахъ. Они, какъ и эмегены въ мѣстности горскихъ татаръ Кабарды, (См. *примѣчаніе* къ горско-татарскимъ сказкамъ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ вып. XXIII, 1897 г.) были существами злыми, занимались разведеніемъ козъ, живя въ горныхъ пещерахъ. Съ человѣкомъ они вели постоянную борьбу и любили лакомиться его мясомъ. Но они были слабы умомъ, и потому человѣку часто удавалось побѣждать ихъ. Слабоуміе ихъ доходило до того, что, во время драки съ другими, у нихъ не хватало соображенія уклониться отъ ударовъ, которые они наносили одинъ другому деревьями, вырванными съ корнями изъ земли. Соб.

Затѣмъ взялъ онъ черепъ, положилъ его въ свою сумку и пошелъ. Принесъ онъ насъ въ свою пещеру, гдѣ находилось у него большое стадо козъ, и привалилъ ко входу громадную скалу. Вынулъ онъ изъ сумки черепъ, взялъ одного моего брата, убилъ и сожралъ, потомъ убилъ и сожралъ и лошадь его.

Мы шестеро не могли и думать убѣжать изъ пещеры, и покорно ждали своей очереди быть убитыми и съѣденными. Въ теченіе шести дней онъ сожралъ шестерыхъ моихъ братьевъ вмѣстѣ съ ихъ лошадьми. На седьмой день должна была настать и моя очередь. Но я не терялъ надежды на свое спасеніе и задумалъ убѣжать изъ пещеры. И, вотъ, когда великанъ заснулъ, я взялъ желѣзный вертелъ, на которомъ онъ поджаривалъ моихъ братьевъ и ихъ лошадей, раскалилъ его на огнѣ до бѣла и воткнулъ въ глазъ великана. Великанъ спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, что и не почувствовалъ боли въ глазу, который у него лопнулъ и весь вытекъ,—онъ только повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ сильнѣе.

У великана былъ большой козелъ, который исполнялъ всѣ его приказанія и водилъ за собою все стадо.

Поймалъ я того козла и зарѣзалъ, снялъ съ него шкуру и накрылся ею для того, чтобы великанъ принялъ меня за козла, когда будетъ, выпуская стадо изъ пещеры на пастбище, ощупывать каждую козу.

Къ утру проснулся великанъ, но видѣть ужъ ничего не могъ. Понялъ онъ тогда, что ослѣпилъ его я, и принялся меня ругать. Но я не подавалъ голоса, и онъ не могъ меня найти. Отвалилъ онъ отъ входа въ пещеру скалу и началъ выпускать козъ, ощупывая каждую. Я сталъ на четвереньки и первымъ пошелъ къ выходу. Великанъ пощупалъ мнѣ спину и, полагая, что передъ нимъ находится козелъ, вожакъ стада, приказалъ мнѣ пасти стадо и вернуться къ вечеру обратно въ пещеру. Вышелъ я на волю изъ пещеры и повелъ

за собою все стадо. Прошелъ я разстояніе семи горъ, остановился на восьмой *) горѣ и отсюда крикнулъ великану, что я не только самъ ушелъ отъ него, но и увелъ за собою всё его стадо.

— „Пользуйся моимъ стадомъ“, крикнулъ великанъ, — „но скажи мнѣ, гдѣ ты находишься“.

— „Я нахожусь отъ тебя въ разстояніи семи горъ“, отвѣтилъ я, „но все равно, тебѣ не поймать меня: ты теперь слѣпъ“.

Прислушался великанъ, откуда раздается мой голосъ, схватилъ одной рукой скалу, которою заставлялся входить въ пещеру, и кинулъ въ томъ направленіи. Скала ударилась о мой зубъ и отломила отъ него небольшой кусочекъ. Вотъ на этомъ обломанномъ зубѣ ты и спрятался, когда за тобой гнался каменщикъ Тото.

Ступай же себѣ домой и никогда ничѣмъ не гордись и не хвались передъ своею женой!“—закончилъ свой рассказъ пастухъ.

Попрощался съ нимъ стрѣлокъ и пошелъ домой.

Зажилъ онъ по прежнему съ женой, но уже никогда не гордился передъ нею своею мѣткою стрѣльбою изъ лука.

3. М у д р ы й с у д ь я.

Жили на свѣтѣ два брата: одинъ богачъ, другой бѣднякъ. Богачъ жилъ одиноко,—не было у него ни жены, ни дѣтей; у бѣдняка же былъ единственный сынъ, а изъ иму-

*) Въ ингушскихъ сказкахъ дальность разстоянія опредѣляется пространствомъ, занимаемымъ семью горами.

щества—полуразвалившаяся сакля да кошка, которая, какъ и хозяева, по цѣлымъ днямъ голодала.

Однажды богачъ приказалъ бѣдняку зарѣзать и освѣжевать для него барана. Бѣднякъ успѣшилъ исполнить приказаніе брата, и въ то время, когда онъ разрѣзалъ на части баранью тушу, къ нему подошелъ его сынъ.

— „Отецъ“, сказалъ онъ, „дай мнѣ баранью почку!“

Отецъ, ни слова не говоря, вырѣзалъ почку и подаль сыну. Сынъ пошелъ домой, испекъ почку и съѣлъ. Разсердился богачъ на бѣдняка: какъ это онъ смѣлъ безъ его позволенія распоряжаться чужимъ добромъ...

— „Отдай мнѣ сейчасъ баранью почку!“ закричалъ онъ на бѣдняка.

— „Хорошо“, отвѣчалъ тотъ, „если тебѣ стало жаль бараньей почки, то я постараюсь принести ее тебѣ сегодня же“.

— „Нѣтъ“, отвѣчалъ богачъ, „ты мнѣ принеси ту самую почку, которую ты вырѣзалъ изъ моего барана“.

Конечно, бѣднякъ не могъ принести этой почки, и богачъ пожаловался на него судѣ. Судья, который жилъ въ городѣ, назначилъ день, когда явиться въ судъ братьямъ. Когда насталъ этотъ день, богачъ пріѣхалъ въ городъ на лошадахъ, а бѣдняку пришлось итти туда пѣшкомъ. Шелъ онъ цѣлый день и только поздно вечеромъ пришелъ въ городъ. Знакомыхъ, у которыхъ можно было бы переночевать, у него тутъ не было никого. Направился онъ въ мечеть и заночевалъ въ ней. Утромъ, когда онъ проснулся, было уже свѣтло, и солнце ярко свѣтило въ окно мечети. Всполошился бѣднякъ, вскочилъ на ноги.

— „Вотъ несчастье,—опоздалъ въ судъ явиться!“ сказалъ онъ себѣ и, раскрывъ настежь обѣ двери мечети, опрометью выскочилъ изъ нея. Въ это время мимо мечети проходила беременная женщина, на которую и наскочилъ бѣд-

някъ. Шарахнулась женщина въ сторону, упала животомъ на камень и тутъ же родила мертвого ребенка. Сбѣжались къ мечети мужъ и родственники женщины и начали обвинять бѣдняка въ томъ, что онъ убилъ ребенка, а затѣмъ и потащили его къ судѣ. Идутъ всѣ они по улицѣ. Видятъ—у одного человѣка застрялъ въ грязи ишакъ *). Сколько ни трудился этотъ человѣкъ, а ишака такъ-таки и не могъ вытащить изъ грязи. Сжалился надъ нимъ бѣднякъ и вызвался помочь ему.

— „Тащи ты ишака за голову, а я буду тащить его за хвостъ, и мы, быть можетъ, вытащимъ его изъ грязи“, предложилъ онъ хозяину ишака.

Тотъ согласился. Принялись они вмѣстѣ тащить изъ грязи ишака. Бѣднякъ понапрягъ всѣ свои силы и такъ рванулъ за хвостъ, что совсѣмъ оторвалъ его прочь.

— „Что ты сдѣлалъ съ моимъ ишакомъ!“ вскричалъ хозяинъ. „Ты, вѣдь, теперь его на всю жизнь испортилъ! Подай мнѣ ишака съ хвостомъ, а безхвостаго мнѣ не надо!“

Гдѣ же взять бѣдняку ишака, когда у него, кромѣ вѣчно-голодной кошки, другихъ животныхъ не было? Схватилъ его хозяинъ ишака за шиворотъ и поволокъ къ судѣ.

— „Охъ, какой же я несчастный человѣкъ!“ подумалъ про себя бѣднякъ, „несчастья такъ и сыплются на меня со всѣхъ сторонъ. Какъ мнѣ предстать передъ судьей, обвиняемому въ столькихъ преступленіяхъ? Стыдно и страшно! Нѣтъ, лучше умереть сразу, и всѣ мученія мои земныя прекратятся!“

Вывался онъ изъ рукъ хозяина ишака, побѣжалъ и бросился съ высокой кручи, а подъ кручей въ это время сидѣлъ пастухъ и присматривалъ за пасшимися вокругъ него баранами. Упалъ бѣднякъ прямо на этого пастуха и на

*) Ишакъ—оселъ.

смерть убилъ его, самъ же остался живъ и здоровъ. Прибѣжали хозяева баранты и тоже взялись за бѣдняка.

— „Зачѣмъ ты убилъ нашего пастуха?“ Что онъ тебѣ дурного сдѣлалъ?“ кричали они, хватая его. „Кто теперь будетъ пасти нашу баранту? Пойдемъ къ судѣ, онъ насъ разсудитъ“.

Приступили къ бѣдняку и остальные люди, схватили и потащили его къ судѣ. Приходятъ къ нему, а богачъ давно уже тамъ ждетъ брата.

Выслушалъ судья всѣ обвиненія противъ бѣдняка и сказалъ, обращаясь къ богачу:

— „Ты обвиняешь брата въ томъ, что онъ безъ твоего позволенія отдалъ своему сыну баранью почку?“

— „Да“, отвѣчалъ богачъ, „я именно въ этомъ его обвиняю“.

— „Хорошо!“ продолжалъ судья. „Но ты богатъ и бездѣтенъ, а онъ бѣденъ, и у него есть сынъ. По закону, послѣ твоей смерти, все имущество твое должно перейти къ брату, а такъ-какъ одному Богу извѣстно, кто изъ васъ умретъ впередъ, то ты долженъ теперь, пока живъ, отдать ему половину всего имущества, да часть прибавить и на долю его сына; остальное же имущество онъ получить послѣ твоей смерти, объ этомъ ты не безпокойся“.

Затѣмъ судья перешелъ къ дѣлу женщины, родившей мертваго ребенка.

— „Да“, сказалъ судья, „онъ виновенъ въ смерти ребенка. Но такъ какъ мертвое нельзя сдѣлать живымъ, а ты“, обратился онъ къ мужу женщины, „требуешь обязательно живого ребенка, то ты отдай обвиняемому свою жену,—пусть она живетъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не родитъ. Тогда ты можешь взять свою жену къ себѣ обратно“.

— „Твое дѣло“, сказалъ судья хозяину ишака, „очень похоже на предыдущее. У твоего ишака обвиняемый ото-

рвалъ хвостъ, помогая тебѣ вытащить этого же самого ишака изъ грязи, и ты теперь требуешь отъ него такого ишака, какой былъ у тебя раньше, т. е. съ хвостомъ... Такъ?"

— „Да, это вѣрно!“ — отвѣчалъ хозяинъ ишака, „мнѣ нуженъ ишакъ настоящій, съ хвостомъ, безхвостаго же мнѣ не надо“.

— „Такъ какъ у обвиняемаго нѣтъ ни денегъ, ни ишаковъ, ни съ хвостами, ни безхвостыхъ, и такъ какъ оторваннаго хвоста придѣлать ишаку невозможно; то отдай ты своего ишака обвиняемому: пусть ишакъ находится у него до тѣхъ поръ, пока у него не вырастетъ хвостъ; а какъ только вырастетъ, ты и правъ взять его обратно себѣ“.

Наконецъ дошла очередь и до жалобы владѣльцевъ баранты.

— „Да, дѣйствительно“, сказалъ судья, „обвиняемый совершилъ большое преступленіе. За причиненіе смерти человѣку, я приговариваю его самого къ той же смерти: пусть онъ сядетъ подъ кручей, на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ убитый имъ пастухъ, а вы“, обратился онъ къ владѣльцамъ баранты, „бросьтесь съ кручи на него, живымъ онъ тогда не останется!“

Судъ кончился.

Кто остался имъ доволенъ?

КАБАРДИНСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДА.

1. Озеро Чирикъ-кѣль*) и преданіе о немъ.

Въ Большой Кабардѣ, приблизительно верстахъ въ тридцати отъ слободы Налчикъ**), по дорогѣ въ Балкарское общество***), на правомъ берегу рѣки Черека, съ шумомъ и ревомъ несущагося по каменистому руслу, находится небольшое озеро, извѣстное у горскихъ татаръ подъ названіемъ *Чирикъ-кѣль* (Гнилое озеро), а у туристовъ и нальчикскихъ слобожанъ—Голубого озера. Окружность его не велика: въ ширину оно имѣетъ около пятидесяти сажень, а въ длину не болѣе восьмидесяти. Вода въ немъ вѣчно темно-голубого цвѣта, холодная и, на вкусъ, съ большою примѣсью сѣры, налетомъ которой покрыты камни ручья, вытекающаго изъ него и впадающаго въ р. Черекъ; само же озеро не принимаетъ въ себя ни одного ручейка, а наполняется подземными ключами, бьющими, повидимому, съ большою силой. Въ ясный, безвѣтренный день, когда поверхность озера находится въ спокойномъ состояніи, т. е. не волнуется, съ берега можно различить на днѣ его, на довольно-значительной глубинѣ, большія деревья съ уцѣлѣвшими еще вѣтвями.

*) Въ пятиверстной картѣ Кавказа оно названо „Цирикъ-гѣль“.

Ред.

**) Большая Кабарда—Нальчикскій округъ, Терской области. Сл. Налчикъ—административный центръ Б. Кабарды.

Соб.

***) Балкарское общество, вмѣстѣ съ обществами: Хуламъ, Безинги, Чегемъ и Урусбій и вновь образовавшимся селеніемъ Гунделенъ, населено горскими татарами.

Соб.

Сравн. „Этнографическую карту“ въ XII в. „Сборника“ Ред.

Чудное зрѣлище представляет изъ себя озеро Чирикь-кѣль въ лѣтній день: точно застывшая темно-голубая поверхность его, какъ рамкой, окаймленная зелеными берегами, отражаетъ въ себѣ и покрытыя лѣсомъ вершины ближайшихъ горъ, и дикіе, обнаженные, утесы, и голубое небо съ плывущими по немъ тучками; путника очаровываетъ эта картина, и ему не хочется оторвать взора отъ нея. Красиво озеро и зимнею порой *), когда окружающая природа цѣпнѣетъ подъ снѣжнымъ покровомъ, а оно, вѣчно-юное, точно улыбается суровой волшебницѣ-зимѣ. Водится ли въ озерѣ рыба, неизвѣстно, такъ какъ пока еще никому не удавалось ловить ее въ немъ; въ ручѣ же, вытекающемъ изъ него, иногда встрѣчаются экземпляры мелкой рѣчной форели, которая, по всей вѣроятности, заходитъ сюда изъ р. Черека.

Сказать что-либо положительное о времени образованія озера Чирикь-кѣль трудно, такъ какъ оно, насколько намъ извѣстно, въ геологическомъ отношеніи еще не изслѣдовано учеными путешественниками, у горскихъ же татаръ и ихъ сосѣдей, кабардинцевъ, на этотъ счетъ не существуетъ ни преданій, ни легендъ; съ достовѣрностью можно сказать только то, что образовалось оно задолго до поселенія жителей на территоріи, занимаемой нынѣ горскими обществами Кабарды. Происхожденіемъ своимъ озеро Чирикь-кѣль обязано, надо полагать, дѣйствию вулканическихъ силъ, какъ и большая часть горныхъ озеръ.

Странное, трудно объяснимое явленіе наблюдается на этомъ озерѣ: ежегодно, въ концѣ марта мѣсяца, на поверхности его появляется въ большомъ количествѣ овечья шерсть. Откуда она берется, является загадкой. Если допустить, что показывающаяся на озерѣ шерсть—остатокъ шерсти послѣ мойки ея, то, во первыхъ, озеро для этой операціи, благо-

*) Озеро замерзаетъ у береговъ только въ суровую зиму. Соб.

даря своей глубинѣ и крутизнѣ береговъ, не представляетъ ни малѣйшихъ удобствъ; во вторыхъ, горянкамъ нѣтъ ни какого расчета спускаться съ горъ съ шерстью къ озеру за 15—20 верстъ, когда у нихъ рѣка находится вблизи ауловъ. Пастухи же съ своей барантой никогда не останавливаются кошами около озера, такъ какъ мѣстность вокругъ него и пролегающая здѣсь проѣзжая дорога въ Балкарію неудобны для этой цѣли, да, кромѣ того, пастухи питаютъ къ этому озеру чувство суевѣрнаго страха. Для объясненія этого страннаго явленія скорѣе можно допустить, что шерсть появляется на поверхности озера отъ разлагающихся на днѣ его труповъ баранты, которая, надо полагать, когда-то была загнана сюда бурей или снѣжною мятелю и погибла въ большомъ количествѣ. У горскихъ же татаръ по этому поводу существуетъ слѣдующее преданіе.

Когда-то, очень много лѣтъ тому назадъ, въ Балкарскомъ обществѣ жилъ одинъ человѣкъ, котораго обижали всѣ, кто только хотѣлъ: отняли у него единственный клочокъ земли, растащили все домашнее имущество: скотъ, одежду, котлы, такъ что у него, кромѣ пары овецъ, никакого другого имущества не осталось. Тогда этотъ человѣкъ подумалъ: „если я останусь еще жить въ обществѣ, то у меня отнимутъ и послѣднюю пару овецъ; нужно уходить отсюда“. И онъ ночью спустился съ горъ къ озеру Чирикъ-кѣль, гдѣ построилъ себѣ балаганъ и сталъ пасти свою пару овецъ. Онъ ни какъ не могъ позабыть обиды, причиненной ему жителями Балкарскаго общества, и часто сидя на берегу озера, ропталъ на свою несчастную судьбу. Однажды, когда, по обыкновенію, онъ печалился о своей незавидной долѣ, къ нему явился горный духъ и сказалъ:

— „Оставь свою печаль! Я знаю, что ты много перенесъ отъ людей горя, но за свое терпѣніе ты будешь вознагражденъ. Только, смотри, не удивляйся и не рассказывай

никому о томъ, что ты будешь видѣть на берегу озера. Затѣмъ, то, что здѣсь будетъ происходить, долженъ видѣть одинъ человѣкъ, но не два и не три вмѣстѣ“.

Сказавъ это, горный духъ исчезъ. А человѣкъ до самаго вечера сидѣлъ на берегу озера и размышлялъ о словахъ духа. Настала ночь; человѣкъ развелъ костеръ и легъ около него спать. Просыпается онъ въ полночь и видитъ, что изъ озера Чирикъ-кѣль вышелъ баранъ: шерсть у него была золотая и блестѣла, какъ солнце. Началъ этотъ баранъ пастись и играть съ двумя овцами бѣднаго горца, а затѣмъ обратно ушелъ въ озеро. Весною каждая овца окотила по двѣ ярки. Баранъ съ золотою шерстью появлялся изъ озера каждый годъ лѣтомъ, а на слѣдующій годъ весною всѣ овцы приносили по двѣ ярки, и, такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ у пастуха расплодилось столько овецъ, что онъ давно потерялъ имъ счетъ.

Скучно ему стало жить въ одиночествѣ, и онъ нанялъ себѣ пастуха изъ жителей Балкарскаго общества, при чемъ предупредилъ его, чтобы тотъ по ночамъ, когда проснется, не смотрѣлъ на озеро, а если что и увидитъ среди овецъ необыкновеннаго, то не шумѣлъ бы и не будилъ его, хозяина.

Пастухъ обѣщалъ въ точности исполнять это приказаніе, но въ первую же ночь, проснувшись и увидѣвъ среди овецъ барана съ золотою шерстью, испугался и принялся будить хозяина. Тотъ, хотя и проснулся, но не поднималъ головы и не смотрѣлъ на овецъ. Наконецъ, когда пастухъ очень настоятельно сталъ упрашивать его взглянуть на то, что происходило въ стадѣ овецъ, онъ не вытерпѣлъ. И въ тотъ же мигъ баранъ съ золотою шерстью бросился въ озеро, а вслѣдъ за нимъ шарахнулось туда и все стадо овецъ и погибло.

И сталъ горецъ еще бѣднѣе, чѣмъ былъ раньше.

Шерсть же погибшаго стада каждый годъ весною выплываетъ на поверхность озера, а съ наступленіемъ лѣта исчезаетъ до весны слѣдующаго года.

2. Преданіе о сверженіи кабардинцами ига крымскихъ татаръ.

Давно это было. Кабардинскій народъ, жившій въ то время въ верховьяхъ теченія р.р. Чегема и Баксана, подпалъ подъ владычество сильнаго и могущественнаго крымскаго хана Баталь-паши. Кабардинцы были обложены данью, за сборомъ которой ежегодно изъ Крыма пріѣзжали многочисленные ханскіе сборщики. Определенной дани не было, а потому сборщики брали съ кабардинцевъ столько, сколько хотѣли, и брали то, что видѣли ихъ глаза: скоть, лошадей, баранту, хлѣбъ и людей; послѣднихъ, по прибытіи въ Крымъ, обращали въ рабство и посылали на самыя тяжелыя работы. Каждую осень, возвращаясь обратно изъ Кабарды въ Крымъ, сборщики гнали съ собой громадныя табуны лошадей, отары баранты, стада крупнаго рогатаго скота и сотни людей.

Кабардинскій народъ долго терпѣлъ гнѣтъ крымскаго хана, наконецъ терпѣть его дальше оказалось ему не под силу. Тогда онъ рѣшилъ выбрать изъ своей среды почетныхъ и всѣми уважаемыхъ народныхъ представителей и послать ихъ къ крымскому хану съ просьбою отъ народа, уменьшить дань, сдѣлать ее определенной и ограничить дикій произволъ сборщиковъ дани. Выборъ палъ на князя Атажукина, извѣстнаго своею храбростію, умомъ и прямою характера и пользовавшагося за эти качества всеобщимъ уваженіемъ народа. Въ спутники князю было выбрано двое почетныхъ узденей. Весною кабардинскіе послы, съ богатыми подар-

ками, прибыли въ Крымъ и просили доложить объ ихъ прибытіи хану, чтобы онъ позволилъ имъ предстать предъ его ясныя очи. Ханъ принялъ подарки и повелѣлъ ввести къ себѣ одного лишь князя Атажукина. Князь явился передъ ханомъ, взялъ шапку свою подъ мышку, опустился на колѣни и низко поклонился хану. Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ началъ излагать ему просьбу своего народа.

— „Могущественный повелитель, весь кабардинскій народъ послалъ меня къ тебѣ просить тебя, чтобы ты сбавилъ съ него дань, сдѣлалъ ее болѣе опредѣленной. Нашъ народъ обремененъ непосильною данью, твои сборщики разоряютъ его, и онъ черезъ это принужденъ терпѣть большую нужду и лишенія. Могущественный повелитель, опредѣли съ нашего народа извѣстную дань и дай возможность намъ самимъ выплачивать ее; а чтобы твое слово было ненарушимо, дай намъ грамоту, въ которой было бы изложено твое повелѣніе“.

Ханъ сидѣлъ на дорогихъ подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги, и все время молча курилъ трубку изъ длиннаго чубука. Пока говорилъ Атажукинъ, онъ, не выпуская изо рта чубукъ, искоса посматривалъ на стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ князя, и лицо его мало-по-малу омрачалось гнѣвомъ. Когда князь кончилъ говорить, ханъ сказалъ:

— „Ты и твой народъ жалуетесь на непосильную дань и просите отъ меня милости? Вотъ возьми!“

И съ этими словами онъ высыпалъ изъ своей большой трубки огонь на голову князя. Кожа на головѣ князя стала лопаться отъ огня и горѣть; князь почувствовалъ нестерпимую боль, но даже не поморщился отъ нея, не дрогнулъ и попрежнему продолжалъ покорно стоять передъ ханомъ. Когда потухъ огонь на головѣ его, ханъ сказалъ ему:

— „Ступай и объяви своему народу о моей милости!“

Князь поклонился хану, всталъ на ноги и задомъ, не повертываясь къ нему спиной, вышелъ.

Затѣмъ, умолчавъ о приѣмѣ, сдѣланномъ ему ханомъ, онъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, отправился въ Кабарду.

По приѣздѣ князя Атажукина домой, собрался народъ и ждетъ отъ него отвѣта хана на свою просьбу. Князь опять умолчалъ, какъ жестоко обошелся съ нимъ ханъ, и только сказалъ:

— „Обѣщался ханъ сдѣлать такъ, какъ вы просили. Подождемъ до осени, а тамъ увидимъ, что намъ нужно будетъ дѣлать“.

Между тѣмъ ханъ сильно разгнѣвался на кабардинцевъ за то, что они осмѣлились просить объ уменьшеніи дани, и осенью послалъ въ Кабарду втрое больше сборщиковъ, чѣмъ посылалъ туда раньше, приказавъ имъ собрать какъ можно больше дани съ кабардинцевъ. Прибыли сборщики въ Кабарду. Наканунѣ ихъ прибытія князь Атажукинъ на совѣтѣ князей предложилъ принять сборщиковъ какъ можно радушнѣе, ничего не жалѣть для ихъ угощенія, а ночью всѣхъ убить и тѣмъ показать хану, что кабардинскій народъ больше уже не признаетъ его владычества надъ собой. Каждый хозяинъ сакли долженъ былъ обезглавить столько сборщиковъ, сколько ихъ будетъ ночевать у него.

Такъ и было сдѣлано. Сборщикамъ былъ оказанъ самый радушный приѣмъ, и они, ничего не подозрѣвая, пили, ѣли и насмѣхались надъ кабардинцами.

Пришла ночь, и, когда непрошенные гости уснули, началось избіеніе ихъ; всѣ они были убиты, за исключеніемъ тѣхъ, которые ночевали въ домѣ узденя Кармова, который трусилъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ хана.

Утромъ на общемъ народномъ совѣтѣ предложено было уничтожить всѣхъ изъ рода Кармовыхъ, но потомъ было рѣ-

шено оставить ихъ въ живыхъ, но относиться къ нимъ, какъ къ измѣнникамъ и трусамъ.

Оставшимся же въ живыхъ сборщикамъ показали обезглавленные трупы ихъ товарищей и тутъ только князь Атажукинъ снялъ съ головы шапку и, показывая шрамъ, образовавшійся на головѣ отъ огня ханской трубки, сказалъ сборщикамъ:

— „Идите и скажите своему хану-собакѣ, который жегъ мнѣ голову огнемъ изъ своей трубки, когда я, унижаясь передъ нимъ, просилъ его облегчить участь моего народа, что теперь мой народъ отмстилъ за меня. Идите и скажите хану, что сколько бы ни присылалъ къ намъ сборщиковъ, всѣхъ ихъ ожидаетъ та же участь, которая постигла вашихъ товарищей. Власти вашего хана мы не признаемъ: мы теперь свободный народъ. Идите и скажите хану, что вы видѣли и что слышали въ Кабардѣ!“

Сильно разгнѣвался ханъ, когда узналъ объ участи, постигшей сборщиковъ дани въ Кабардѣ, и поклялся истребить весь кабардинскій народъ. Весною онъ послалъ въ Кабарду такое большое войско, что на одного кабардинца приходилось до двадцати человѣкъ татаръ. Кабардинцы ждали врага и рѣшили всѣ до одного погибнуть въ битвѣ, но не покориться; всѣ должны были взяться за оружіе, даже мальчики въ четырнадцать лѣтъ. Пришло войско хана въ Кабарду и расположилось въ мѣстности при впаденіи рѣки Кичъ-Малки въ рѣку Малку. Здѣсь и произошло сраженіе.

Хотя кабардинцевъ было гораздо меньше, чѣмъ татаръ, но всѣ они, будучи воодушевлены горячею любовью къ своей родинѣ и ненавистью къ врагу, дрались отчаянно. Татары не выдержали перваго дружнаго натиска кабардинцевъ и въ безпорядкѣ отступили; кабардинцы горячо преслѣдовали ихъ по хребту горнаго края Ауръ-Сетхъ, вплоть до горы Кин-

жалъ-Иналъ *), гдѣ бой наконецъ прекратился. Татары были почти все перебиты, много также пало воиновъ и со стороны кабардинцевъ.

Въ этой битвѣ особенно отличился уздень Менчакъ Ашабовъ, который былъ очень низкаго роста, но замѣчательно храбръ. Когда кончилась битва, кабардинцы приступили къ дѣлежу добычи, но такъ-какъ между ними не было Менчака Ашабова, то рѣшено было подождать возвращенія его; ждали его день, два и, наконецъ, на третій онъ явился съ шестьюдесятью лошадьми убитыхъ имъ татаръ, нагруженными оружіемъ и другою добычею.

Жалкіе остатки ханскаго войска вернулись въ Крымъ и рассказали хану о своемъ пораженіи. Послать новое войско въ Кабарду ханъ не рѣшился, и, такимъ образомъ, кончилось его владычество надъ кабардинскимъ народомъ.

Это преданіе записано въ Нальчикскомъ округѣ, Терской области.

3. Кабардинская легенда о пророкѣ Магометѣ.

Однажды въ знойный день проходилъ пророкъ Магометъ по пустынной степи. На пути онъ увидѣлъ трехъ юношей, стоящихъ вмѣстѣ. Одинъ изъ этихъ юношей былъ одѣтъ въ такое изорванное и старое платье, что сквозь лохмотья его виднѣлось голое тѣло; другой юноша былъ страшно худъ, такъ что на немъ были кости да кожа; третій, наоборотъ, отличался цвѣтущимъ здоровьемъ и одѣтъ былъ въ новое платье. Магометъ догадался, что юноши кого-то поджидаютъ.

*) Кинжалъ и Иналъ—двѣ горныя вершины въ Б. Кабардѣ, раздѣленные теченіемъ р. Шизила и Малки.

Подошелъ къ нимъ Магометъ, пожелалъ имъ здоровья и спросилъ, зачѣмъ они стоятъ здѣсь, въ пустынномъ мѣстѣ.

Юноши, не зная, кто передъ ними стоитъ, отвѣчали:

— „Ждемъ мы, не пройдетъ ли по степи пророкъ Магометъ, чтобы попросить его помолиться за насъ Богу, дабы онъ исполнилъ наши желанія“.

— „Чего же желаетъ каждый изъ васъ отъ Бога?“ спросилъ Магометъ.

Юноша въ изорванномъ платьѣ сказалъ:

— „Видишь, какая у меня плохая одежда? Поэтому я желалъ бы, чтобы у меня было много баранты, изъ шерсти которой дѣлають сукно для одежды. Больше мнѣ ничего не нужно“.

Юноша худой и тщедушный сказалъ:

— „Я почти умираю отъ голода, потому что, какъ я ни тружусь надъ обработкою земли, она ничего не родить. Поэтому я желалъ бы, чтобы моя пашня давала такіе урожаи хлѣба, благодаря которымъ я всегда могъ бы быть сытымъ“.

Юноша съ цвѣтущимъ здоровымъ видомъ сказалъ:

— „Благодаря Бога, я не нуждаюсь въ томъ, въ чемъ нуждаются мои товарищи. Одного только желалъ бы я: имѣть жену-красавицу и сына отъ нея, и тогда я былъ бы самымъ счастливымъ человѣкомъ во всемъ свѣтѣ“.

Выслушавъ юношей, Магометъ попрощался съ ними и пошелъ своею дорогой. Насталъ часъ молитвы, и Магометъ попросилъ Бога, чтобы Онъ исполнилъ желаніе каждаго изъ нихъ.

Прошло съ тѣхъ поръ много времени. У юноши, желавшаго быть всегда одѣтымъ въ новую, крѣпкую одежду, за это время расплодилось столько баранты, что онъ и счетъ ей потерялъ. Въ домѣ у него всего было вдоволь, и онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды. Прислуга за него исполняла

всѣ работы, самъ же онъ ничего не дѣлалъ, только пилъ-ѣлъ и каждый день перемѣнялъ на себѣ платья, сшитыя руками прислуги. Второму юношѣ, который жаловался на голодь, Богъ посылалъ такіе обильные урожаи хлѣба, что онъ не зналъ, куда ему дѣвать избытокъ его. Началъ онъ продавать хлѣбъ нуждающимся; скопилось у него много денегъ, и сталъ онъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ селеніи. Третій юноша женился на красивой дѣвушкѣ, и, когда у него родился сынъ-первенецъ, онъ считалъ себя наисчастливейшимъ человѣкомъ.

Вздумалъ однажды Магометъ провѣдать этихъ юношей. Надѣлъ онъ на себя нищенское платье, черезъ плечо повѣсилъ суму и отправился въ то селеніе, въ которомъ жили трое юношей. Приходитъ онъ къ тому юношѣ, у котораго было много баранты, и проситъ накормить его. Хозяинъ въ это время былъ во дворѣ и, увидѣвъ у воротъ нищаго, приказалъ работникамъ гнать его съ глазъ долой и собаками травить. Работники въ точности исполнили приказаніе хозяина. Магометъ едва отбился отъ собакъ. Идетъ онъ ко второму юношѣ и, подойдя къ воротамъ, только было заикнулся о томъ, что онъ очень голоденъ и проситъ хозяина накормить его, какъ тотъ закричитъ на него:

— „Много васъ, тутъ дармоѣдовъ, шляется! Работай, трудись и будешь всегда сытъ. Пошелъ прочь отъ меня! Ничего я тебѣ не дамъ“.

Направился Магометъ къ третьему юношѣ. У этого юноши въ тотъ день случилось большое несчастье: у него умеръ единственный сынъ, котораго онъ такъ сильно любилъ. Отецъ и мать, находясь въ неописуемомъ горѣ, приготовляли трупъ мальчика къ погребенію. Въ это самое время къ воротамъ ихъ двора подошелъ Магометъ. Мужъ и жена, увидѣвъ изъ окна у воротъ странника, поспѣшили отнести трупъ сына въ соседнюю комнату, умыли свои лица,

чтобы на нихъ не было видно слѣдовъ слезъ, вышли на дворъ и пригласили Магомета пожаловать въ домъ. Когда же Магометъ вошелъ въ комнату, они усадили его на лучшее мѣсто, сняли съ него обувь и обмыли водой его ноги. Приготовила жена кушанье и потчуетъ Магомета. Но Магометъ отказался отъ предложеннаго кушанья и попросилъ хозяевъ, чтобы они принесли къ нему мертваго ребенка. Мужъ и жена сильно удивились: какъ онъ, этотъ странникъ, могъ знать, что въ домѣ ихъ имѣется мертвый ребенокъ, когда они не говорили никому изъ сосѣдей о своемъ несчастіи, и, затѣмъ, на что понадобился ему ихъ ребенокъ?

Пока мужъ и жена оставались въ нерѣшимости, исполнить или не исполнить просьбу гостя, Магометъ молча сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, устремивъ свой взоръ черезъ окно куда-то въ далекое пространство, и точно поджидалъ кого-то. Извинившись передъ нимъ, мужъ и жена вышли въ сосѣднюю комнату, чтобы посовѣтоваться между собой относительно просьбы гостя.

— „Какъ намъ быть?—и ребенка жалъ показывать незнакомому человѣку (Богъ его знаетъ, что онъ съ нимъ намѣренъ сдѣлать), и гостя обидѣть отказомъ грѣшно...“ говоритъ жена.

Мужъ отвѣтилъ:

— „Какъ намъ ни дорогъ ребенокъ, который теперь мертвъ, но давай все-таки понесемъ его гостю: обижать гостя грѣшно, и, если онъ вошелъ въ домъ нашъ съ добрымъ намѣреніемъ, то не позволить себѣ насмѣяться надъ трупомъ нашего ребенка; если же въ душѣ у него злой умыселъ, то Богъ не допуститъ совершиться ему“.

Съ этими словами мужъ взялъ на руки трупъ ребенка и вынесъ его къ гостю. Взглянулъ Магометъ на трупъ и сказалъ:

— „Положите мертваго ко мнѣ на колѣни!“

Мужъ поспѣшилъ исполнить его просьбу. Вытащилъ тогда Магометъ изъ-подъ полы своего рубища большой ножъ, взмахнулъ имъ надъ трупомъ ребенка и, сказавъ, обращаясь къ хозяевамъ дома:

— „Да будетъ благословенъ Господомъ тотъ часъ, въ который вы, убитые горемъ, приняли въ домъ свой бѣднаго странника! Вы не отказали въ просьбѣ своему гостю, вы отдали ему то, что для васъ дороже всего на свѣтѣ,—вы отдали ему трупъ умершаго ребенка. И за то, что вы исполнили желаніе гостя, пусть всемогущій Богъ исполнить и ваше желаніе: пусть жизнь возвратится къ ребенку, и горе ваше смѣнится радостью!“

Вслѣдъ за этими словами Магометъ разжалъ ножомъ ротъ ребенка и вдохнулъ въ него воздухъ. Ребенокъ въ мигъ ожилъ и заплакалъ. Родители его сильно изумились и отъ радости не знали, что и дѣлать. Мать бросилась къ ребенку и, плача отъ радости, принялась цѣловать его, а отецъ упалъ къ ногамъ Магомета, хотѣлъ обнять и поцѣловать ихъ, но пророкъ рукой отстранилъ его отъ себя, поднялся съ своего мѣста и сказалъ:

— „Блаженъ тотъ, двери дома котораго никогда не запираются передъ человѣкомъ, нуждающимся въ пріютѣ и пищѣ! Но горе тому, кто погнушается принять въ домъ голоднаго и безпріютнаго!“

И въ тотъ же мигъ Магометъ исчезъ изъ глазъ изумленныхъ хозяевъ которые поняли, что подъ видомъ нищаго въ гостяхъ у нихъ былъ никто иной, какъ самъ пророкъ Магометъ. И съ этого дня они зажили лучше прежняго: богатство ихъ приумножалось съ каждымъ днемъ, въ дѣтяхъ же своихъ, которыхъ имъ Богъ посылалъ ежегодно, они видѣли отраду на старости лѣтъ.

Тѣхъ же двухъ товарищей, которые не пріютили и не

накормили Магомета, по молитвѣ его, постигла Божья кара: у перваго въ ту же ночь пала вся баранта, у второго же огонь истребилъ все его имущество, и стали они опять такими же бѣдняками, какими были раньше: одинъ ходилъ въ изорванномъ, старомъ платьѣ, а другой вѣчно жаловался на голодъ.

Записана въ Нальчикскомъ округѣ, Терской области.

ЧЕЧЕНСКІЯ СКАЗКИ.

1. Лисица и журавль.

Подружились лисица и журавль и стали вмѣстѣ жить. Снесъ журавль яицъ и вывелъ изъ нихъ дѣтенышей, и лисица себѣ дѣтокъ наплодила. Журавль каждый день, рано по утру, улеталъ на добычу, а лисица оставалась дома дѣтей караулить и за хозяйствомъ присматривать. Въ первый же день, только-что журавль улетѣлъ изъ дома, лисица свернула журавленку шею и съѣла всего, до послѣдней косточки. Прилетаетъ журавль домой, а лисица ему говоритъ:

— „Охъ, журавль, несчастье у насъ случилось“.

— „Какое несчастье?“, спрашиваетъ журавль.

— „Одного дитяти у насъ нѣтъ, пропало оно куда-то. Ужь я искала-искала его и никакъ не могла найти“.

— „Чье же дитя пропало?“ спрашиваетъ журавль.

— „Да наше же и пропало“, отвѣтила лисица.

— „А именно какое?“

— „То самое, у котораго длинная шея и длинныя ноги“.

Понялъ журавль, что пропало его дитя и, видя, что лисица очень горюетъ и убивается о пропавшемъ журавленкѣ, онъ сказалъ:

— „Не печалься!—этимъ горю не пособишь. Видно, ужъ судьба такая выпала нашему дитяти“.

— „Да“, согласилась лисица, „противъ судьбы ничего не подѣлаешь“.

На другой день журавль опять улетѣлъ искать добычи, а лисица сейчасъ же свернула шею другому журавленку и позавтракала имъ. А когда журавль возвратился домой, она еще пуще прежняго опечалилась, чуть не плачетъ и сообщаетъ ему о пропажѣ дитяти. Узналъ журавль, что и на этотъ разъ пропалъ его дѣтенышъ, принялся уговаривать лисицу не предаваться особенно горю.

— „На все воля Божія“, сказалъ онъ.

— „Твоя правда“, отвѣтила лисица. „Противъ Божіей воли спорить не будешь“.

Она нарочно показываетъ видъ, что ей очень жаль пропавшихъ журавлятъ, а сама втихомолку подсмѣивается надъ простотой журавля. Въ короткое время поѣла она всѣхъ журавлятъ, подумывала добраться и до самого журавля и только выжидала случая, удобнаго для этого. Однажды журавль сказалъ ей:

— „Мои дѣти пропали всѣ, а твои уже подросли настолько, что сами сумѣютъ найти себѣ пищу. Чего намъ сидѣть дома? Пойдемъ путешествовать по свѣту,—много интереснаго мы увидимъ“.

— „Куда же мы пойдемъ?“ спросила лисица.

— „На небо полетимъ“, отвѣтилъ журавль.

Засмѣялась лисица и говорить:

— „Какъ же я полечу на небо? у меня нѣтъ крыльевъ“...

— „Зато они у меня есть“, отвѣтилъ журавль. „Садись на меня верхомъ, и полетимъ вмѣстѣ“.

Лисица съ радостью согласилась на предложеніе журавля: ужъ очень брала ее охота посмотреть, что такое творится на небѣ. Сѣла она верхомъ на журавля, а тотъ расправилъ свои длинные крылья и, вмѣстѣ съ нею, поднялся вверхъ; взвился высоко-высоко и вдругъ быстро перевернулся въ воздухъ. Не удержалась лисица и полетѣла внизъ. А журавль летитъ рядомъ съ ней и спрашиваетъ:

— „Лисица, что ты видѣла на небѣ?“

— „Охъ, журавль“, отвѣчаетъ лисица, „на небѣ очень много интереснаго, только одно плохо,—не за что мнѣ тамъ удержаться“.

— „Чтожъ?“ сказалъ журавль. „На то воля Божія, спорить противъ нея не станешь“.

Упала лисица на землю и разбилась.

2. Волкъ и баранъ.

Отбились отъ стада нѣсколько молодыхъ барашковъ и заблудились въ степи. Напалъ на нихъ голодный волкъ и растерзалъ. Наѣлся онъ мяса, напился онъ крови горячей и пробирается отдыхать въ лѣсъ. Завидѣлъ онъ, что на лугу, около лѣса, пасется старый баранъ, приблизился къ нему и говоритъ:

— „Какъ ты, баранъ, смѣешь пастися на моемъ лугу? Кто тебѣ позволилъ?“

— „Лугъ вовсе не твой, а моего пастуха“, спокойно отвѣтилъ баранъ.

— „Врешь ты!“ крикнулъ волкъ. „Твоего пастуха еще на свѣтѣ не было, а я ужъ давно владѣлъ этимъ лугомъ“.

— „Не вѣрно“, попрежнему отвѣчалъ баранъ. „Я хорошо знаю, что лугъ принадлежитъ моему пастуху“.

Разозлился волкъ и хотѣлъ было растерзать барана, но такъ какъ онъ былъ сытъ, то только зарычалъ на него. „Пусть пока живетъ, а завтра, когда я проголодаюсь, расправлюсь съ нимъ по своему“, подумалъ онъ.

— „Вотъ что, баранъ“, сказалъ волкъ, „если мы будемъ спорить, то никогда не рѣшимъ, чей этотъ лугъ: ты будешь говорить, что онъ твоего пастуха, а я,—что онъ мой. Поступимъ лучше такъ: соберемся завтра здѣсь, и кто

изъ насъ поклонется вонъ около того куста, что лугъ принадлежитъ ему, за тѣмъ онъ и останется. Согласенъ?”

— „Согласенъ“, отвѣчалъ баранъ. И затѣмъ они разошлись: волкъ направился въ лѣсъ, а баранъ въ аулъ.

Рано утромъ пришелъ онъ на лугъ вмѣстѣ съ большою, сильною собакой. Спряталась собака въ кустъ, а баранъ принялся тутъ же неподалеку пастись. Вышелъ волкъ изъ лѣсу, увидѣлъ барана на лугу и обрадовался. „Теперь-то я наѣмъ на цѣлую недѣлю“, подумалъ онъ и пустился бѣжать на лугъ. Вдругъ навстрѣчу ему попадаетъ лисица.

— „Здравствуй, волкъ! Куда ты такъ спѣшишь?“ спрашиваетъ она.

— „На лугъ“, отвѣтилъ волкъ и рассказалъ ей, какъ онъ вчера поспорилъ съ бараномъ.

— „Гм... Дѣло хорошее“, говоритъ лисица, „но только тебѣ, конечно, извѣстно, что никакой споръ безъ свидѣтелей не рѣшается; поэтому, возьми меня въ свидѣтели,—я твою руку подержу, а ты, въ благодарность, мнѣ за это отдашь бараньи кишки, ножки и голову.“

— „Чтожь? Это можно сдѣлать“, отвѣчалъ волкъ. „Пойдемъ!“

Пришелъ волкъ съ лисой на лугъ и спрашиваетъ барана.

— „Ну, что? Ты попрежнему утверждаешь, что лугъ принадлежитъ твоему пастуху?“

— „Да, попрежнему“, отвѣтилъ баранъ.

— „Ахъ, баранъ, какъ тебѣ не стыдно лгать!“ съ укоризной проговорила лисица и покачала головой. „Вѣдь, кажется, всѣмъ ужъ давнымъ-давно извѣстно, что этотъ лугъ съ самыхъ давнихъ временъ принадлежитъ не кому-либо другому, а волку.“

— „Да ты то отъ кого слышала объ этомъ?“ спрашиваетъ баранъ.

— „Какъ отъ кого?!“ воскликнула лисица. „Да объ

этомъ всѣ тебѣ скажутъ, спроси кого хочешь. Я помню,— это было давно-давно, когда я была еще совсѣмъ маленькою,— родители мои, отецъ и мать, часто между собою разговаривали про этотъ лугъ: „на волчьемъ лугу“, говорили они, „мыши жирнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ“. Значить, если бы этотъ лугъ былъ твоего пастуха, то его не называли бы волчьимъ“.

— „А поклянешься ли ты въ томъ, что говоришь правду? спросилъ баранъ.

— „Конечно, поклянусь“, отвѣтила лисица.

— „Хорошо“, сказалъ баранъ. „Стань ты ногой вотъ въ этотъ кустъ и скажи: клянусь, что лугъ этотъ принадлежитъ волку“.

Лисица приблизилась было къ кусту, но, увидя въ немъ два сверкающихъ глаза, вертъ назадъ,—отбѣжала подальше и говорить:

— „Если по правдѣ сказать, то мои родители, разговаривая про этотъ лугъ, упоминали и барана... Да, подлинно я не могу сказать, кому онъ именно принадлежитъ, а потому и не хочу грѣшить, принимать напрасно клятву... А если волкъ первый поклянется, то и я не прочь сдѣлать то же“.

— „А что же ты думаешь?“ проговорилъ сердито волкъ. „Вотъ возьму и поклянусь, трусить не стану, какъ ты“.

Сталъ онъ лапой въ кустъ и только сказалъ: „клянусь“, какъ вдругъ изъ куста выскочила собака, стрѣбла его за шиворотъ и принялась трепать. Насилу-то волкъ вырвался изъ собачьихъ зубовъ и безъ оглядки пустился бѣжать въ лѣсъ. А лисица давно уже взобралась на высокій курганъ и кричить оттуда волку:

— „Не предупреждала ли я тебя, волкъ, не принимать ложную клятву? Не послушался ты меня, вотъ и получилъ должное“.

3. Воръ и князь.

Задумалъ одинъ бѣдный человѣкъ сдѣлаться искуснымъ воромъ. Пошелъ онъ въ лѣсъ, повѣсилъ на сукъ чинара свою черкеску и, отойдя въ сторону, началъ подкрадываться къ ней. Въ это время въ лѣсу охотился одинъ князь; замѣтилъ онъ бѣднаго человѣка и спросилъ, что тотъ дѣлаетъ.

— „А вотъ видишь-ли“, отвѣчалъ бѣдный человѣкъ, „хочу я снять съ дерева черкеску, да такъ, чтобы оно объ этомъ не знало“.

Князь засмѣялся и сказалъ:

— „Если ты опытный воръ, то сумѣй украсть у меня лошадь; если украдешь,—пользуйся ею, а не украдешь,—будешь у меня тридцать лѣтъ служить работникомъ бесплатно. Согласенъ“?

— „Согласенъ“, отвѣтилъ бѣдный человѣкъ. Пришелъ князь домой и не знаетъ, куда спрятать свою лошадь: запирать въ конюшнѣ опасно,—воръ сейчасъ же уведетъ ее; сидѣть около нея цѣлую ночь,—не высидишь, заснешь, и воръ опять будетъ легко украсть. Наконецъ онъ придумалъ, какъ сдѣлать: поставилъ лошадь среди двора, а холопамъ своимъ приказалъ, четверымъ, взяться руками за ноги лошади, одному—за хвостъ, другому—за голову и держать такъ всю ночь, не смыкая ни на минуту глазъ. Узналъ объ этомъ бѣдный человѣкъ, взялъ съ собою кувшинъ араки и соленаго мяса и пришелъ къ караульщикамъ.

— „Караулите“? спрашиваетъ онъ ихъ.

— „Караулимъ“ отвѣчаютъ тѣ.

— „Ну и караульте, а чтобы вамъ веселѣе было, я принесъ кувшинъ араки и мяса,—пейте себѣ на доброе здоровье“, сказалъ бѣдный человѣкъ, поставилъ кувшинъ съ аракой, положилъ мясо и ушелъ со двора.

Напились караульщики араки, опьянѣли и заснули.

Тѣмъ временемъ пришелъ бѣдный человѣкъ и взялъ лошадь, а караульщикамъ всунулъ въ руки по палкѣ. Рано утромъ вышелъ на дворъ князь и спрашиваетъ холоповъ:

— „Ну, что? Цѣла лошадь?“

— „Цѣла“, отвѣчаютъ холопы съ просонокъ, а когда осмотрѣлись хорошенько, то увидѣли, что лошади и слѣды давно простыли. Наказалъ ихъ князь и ждетъ къ себѣ бѣднаго человѣка. Тотъ не замедлилъ явиться къ нему.

— „Лошадь ты укралъ, благодаря безопасности моихъ холоповъ. Сумѣй-ка украсть у меня сундукъ съ деньгами. Если украдешь, сдѣлаешься богатымъ человѣкомъ, а не украдешь, вѣчно работать будешь на меня. Согласенъ?“ сказалъ князь.

— „Согласенъ“, отвѣтилъ воръ.

Настала ночь. Взялъ князь въ руки сундучокъ съ деньгами, не знаетъ, гдѣ его спрятать: то онъ въ большой сундукъ запреть, то въ землю закопаетъ, то къ себѣ подъ подушку поставить. Нѣтъ! Всюду, думается ему, воръ найдетъ его. Придумалъ-таки наконецъ: взялъ въ руку острую обнаженную шашку, сѣлъ на кровати, а сундучокъ поставилъ передъ собою на полу и рѣшилъ не спать цѣлую ночь, караулить его. Провѣдалъ объ этомъ воръ, пошелъ на кладбище, выкопалъ изъ могилы недавно похороненнаго мертвеца, отрубилъ у него по локоть обѣ руки, забралъ ихъ съ собою и отправился въ домъ князя. Тамъ проломалъ онъ фундаментъ и залѣзъ подъ полъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ въ комнатѣ стоялъ сундучокъ съ деньгами.

Слышитъ князь, что кто-то изъ-подъ пола доску сверлитъ. „Это воръ“, подумалъ онъ, притаился и началъ ждать, когда изъ-подъ пола высунутся въ комнату руки. Скоро въ полу образовалась большая дыра, и черезъ нее просунулась одна рука. Хватилъ князь шашкой по ней, и она отлетѣла прочь; также ловко управился онъ и со второй рукой. „Ну,

теперь онъ не будетъ воровать: рукъ то у него нѣтъ“, проговорилъ князь. Легъ себѣ спать и сундучокъ не убралъ съ пола. Между тѣмъ, руки у вора остались цѣлы, такъ-какъ князь рубилъ не по его рукамъ, а по рукамъ мертвеца. И когда князь заснулъ, воръ преспокойно вошелъ въ комнату, взялъ сундучокъ съ деньгами и унесъ къ себѣ домой. На утро, проснувшись, князь понялъ, что и на этотъ разъ воръ обманулъ его. Въ скоромъ времени явился къ нему и самъ воръ. Князь сказалъ ему:

— „Украсть деньги не хитро; вотъ сумѣй-ка ты украсть у меня жену. Если украдешь,—пользуйся ею, а не украдешь,—голова съ плечъ долой. Согласенъ?“

— „Когда дѣло дошло до жизни, то хоть и не согласенъ, а по неволѣ скажешь согласенъ“, отвѣтилъ воръ.

Князь, чтобы уберечь жену, рѣшилъ выѣхать съ нею изъ аула. Запрягъ онъ въ арбу лошадь, сѣлъ съ женой и поѣхалъ. А воръ тоже не дремалъ: раздѣлся онъ до гола, изранилъ свое тѣло, такъ что оно все покрылось кровью, забѣжалъ впередъ, легъ на той дорогѣ, по которой долженъ былъ проѣзжать князь, и лежитъ, какъ мертвый,—не пошевельнется. Ёдетъ князь. Увидѣла княгиня лежащаго на дорогѣ человека и говоритъ:

— „Останови лошадь,—видишь человекъ мертвый лежитъ“.

— „Нѣтъ, нѣтъ!“ вскричалъ князь и погналъ лошадь сильнѣе. „Знаю я этихъ мертвецовъ,—они и лошадей и деньги воруютъ“.

Проѣхалъ князь, а воръ вскочилъ на ноги, забѣжалъ впередъ и снова растянулся на дорогѣ. Опять наѣзжаетъ на него князь.

— „Вотъ и другой лежитъ,—остановись на минуту!“ сказала княгиня.

Князь и слушать не сталъ ее, а принялся еще силь-

нѣе погонять лошадь. Вскочилъ воръ на ноги, забѣжалъ впередъ и опять растянулся на дорогѣ. Увидѣлъ его князь и остановилъ лошадь.

— „Это уже третій!“ проговорилъ онъ. „Что-то мнѣ не вѣрится, чтобы это былъ другой человѣкъ, а не тотъ, котораго мы видѣли раньше. Ну-ка, поддержи лошадь!—я побѣгу, посмотрю, лежитъ ли тамъ второй мертвецъ“, сказалъ онъ княгинѣ, а самъ побѣжалъ назадъ по дорогѣ. Только онъ отбѣжалъ отъ арбы, воръ быстро поднялся на ноги, вскочилъ на арбу и ускакалъ съ княгиней.

Такъ князь лишился лошади, денегъ и жены.

4. Человѣкъ, у котораго нѣтъ мозга въ головѣ.

Жилъ на свѣтѣ одинъ старый человѣкъ. Была у него мельница и небольшое хозяйство; жилось ему спокойно, и нужды онъ ни въ чемъ не испытывалъ. Однажды случилась война. Всѣ молодые и здоровые люди поѣхали драться съ врагомъ; задумалъ и старый человѣкъ отправиться вслѣдъ за ними, повоевать, силу и ловкость свою показать. Датоолько въ томъ бѣда, что ни лошади, ни вооруженія у него не было. Не долго думая, продалъ онъ свою мельницу и хозяйство и на вырученные деньги купилъ себѣ лошадь и оружіе. Явился онъ на войну. При первой же стычкѣ съ непріателемъ его сильно ранили въ голову, такъ что еле живого привезли въ аулъ. Своего дома у него уже не было, и родственники пріютили его у себя; они же разыскали аульнаго лѣкаря и привели къ больному. Началъ лѣкарь осматривать рану, а родственники раненаго говорятъ ему:

— „Пожалуйста, посмотри внимательно, не повреждены ли у него мозгъ!“

Тогда больной открылъ глаза и слабымъ голосомъ сказалъ:

— „Напрасно вы беспокоитесь о мозгѣ,—въ моей головѣ его давно уже нѣтъ: если бы онъ тамъ былъ, то не сталъ бы я, старый человѣкъ, распродавать своего имущества и ѣхать на войну, гдѣ меня ожидала неминуемая бѣда“.

Евг. Барановъ.

5. У кого и на гору везеть, а у другого и подъ гору не двигается.

Жиль-быль одинъ чеченецъ съ женою. Запрягъ онъ въ арбу пару быковъ и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Въ лѣсу, чтобы не затруднять себя взваливаніемъ срубленнаго бревна на арбу, онъ прямо подставилъ арбу съ быками подъ большое дерево и началъ рубить его кругомъ; рубилъ, рубилъ и свалилъ дерево на арбу; только арба разбилась въ мелкія щепки, да и быки были задавлены. „Что тутъ дѣлать?“ подумалъ онъ; взялъ топоръ и пошелъ домой.

Дорогой видитъ онъ большое болото, а на немъ много утокъ. „Дай-ка“, подумалъ онъ, „убью хоть утку одну женѣ въ подарокъ“. Бросилъ онъ топоромъ въ стаю; топоръ погрузился въ болото и пропалъ. Не долго думая, раздѣлся онъ догола и полѣзъ въ болото, а ѣхавшіе мимо болота увезли всю его одежду, и онъ остался какъ-есть голымъ. Дождался онъ, пока стемнѣло, и ночью пошелъ домой. Придя въ свое селеніе, онъ постѣснился зайти нагишомъ въ свой домъ, къ женщинамъ, и направился къ дверямъ брата, и видитъ, что у него гости сидятъ, а молодежь послѣ гостей въ углу ужинаетъ. Захотѣлось ему узнать, что за гости, и отворилъ

онъ дверь немного. Кто-то изъ молодежи увидѣлъ, что дверь пріотворилась да и подумалъ, что это собака,—швырнулъ въ него костью и выбилъ глазъ.

Отскочилъ чеченецъ отъ боли назадъ, а сзади собака какъ цапнетъ его за ногу и откусила большой кусокъ мяса. Пошелъ онъ съ горя къ женѣ.

— „Что съ тобою?“ спрашиваетъ жена.

— „Да вотъ видишь, я хотѣлъ свалить на арбу дерево, да и разбилъ арбу въ щепки и быковъ убилъ. Взялъ топоръ, пошелъ домой, а на болотѣ утки сидятъ,—хотѣлъ тебѣ въ подарочекъ одну утку убить: швырнулъ топоромъ въ утку, а топоръ и пропалъ; полѣзъ я искать его въ болото,—въ то время проходившіе мимо люди унесли всю мою одежду... Вотъ почему я и пришелъ въ такомъ видѣ“, отвѣтилъ онъ.

— „Ну, слава Богу, хоть ты самъ-то цѣлъ пришелъ! Одежду и все другое за деньги купимъ“, приголубила жена.

— „Да, это такъ... Но что мы будемъ дѣлать съ глазомъ-то? Вѣдь у меня гости, которые были у брата, глазъ выбили, а собака сзади ногу больно укусила...“, сказалъ мужъ.

— „Ну, калѣка! теперь ты и мнѣ не нуженъ... Ступай вонъ со двора!“ сказала жена.

Пошелъ онъ скитаться по бѣлу свѣту да такъ до сихъ поръ съ сумой на плечахъ и ходить... А жена вышла замужъ за другого и стала жить-поживать да добра наживать.

6. Долгъ платежомъ красенъ.

Въ Чечнѣ, въ горахъ, за Шатоемъ *), жилъ-былъ одинъ чеченецъ-горецъ, какъ есть одинокій: не было у него

*) Шатой—укрѣпленіе въ Грозненскомъ окр., Тер. обл., заложенное приблизительно въ 1838 году,—„Гаки-Юртъ“.

ни жены, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни однофамильцевъ, — никого... Жилъ онъ не богато и не бѣдно, по-горски: была у него пара быковъ, арба, сакля, домашняя утварь... Надобно ему жить одинокимъ; раздумался онъ, какъ ему быть: переменить ли жизнь или продолжать, какъ жилъ раньше. Наконецъ онъ рѣшился предпринять путешествіе въ Мекку для поклоненія святынь. Не долго думалъ онъ послѣ этого, живо продалъ свое имущество, выручилъ 150 рублей, попрощался съ краемъ и знакомыми и отправился въ Мекку въ числѣ другихъ пилигримовъ.

Шелъ онъ, шелъ и достигъ наконецъ большой песчаной пустыни; черезъ эту пустыню переѣзжали на верблюдахъ. Нанялъ и онъ съ другимъ пилигримомъ, вдвоемъ, верблюда; сѣли и поѣхали. Послѣ долгой ѣзды по пустынь ему захотѣлось спать, и онъ задремалъ.

— „Не спи!“ крикнулъ хозяинъ верблюда, „верблюду тяжело дѣлается, когда сѣдокъ спитъ“.

Проснулся пилигримъ, но черезъ нѣкоторое время опять задремалъ.

— „Не спи же! — тебѣ говорю... А не то, сброшу тебя съ верблюда“, пригрозилъ хозяинъ.

Терпѣлъ, терпѣлъ чеченецъ, но не выдержалъ, заснулъ таки. Хозяинъ верблюда осторожно снялъ его съ сѣдла и уложилъ на песокъ, а караванъ пошелъ дальше.

Черезъ нѣкоторое время проснулся чеченецъ и видитъ, что онъ въ пустынь какъ есть одинъ, и никого кругомъ нѣтъ. Хватъ, — ни денегъ, ни вещей его нѣтъ! Всталъ онъ и пошелъ, куда глаза глядятъ; шелъ, шелъ и пришелъ наконецъ въ одно маленькое селеніе, въ которомъ было только сорокъ дымовъ. Въ этомъ селеніи выдавался издали одинъ красивый домъ. Чеченецъ и направился къ этому дому, думая, что тамъ живетъ богачъ. Пришелъ онъ на дворъ и крикнулъ, по обыкновенію:

— „Гостя принимаете“?

Вышла хозяйка и отвѣтила:

— „Принимаемъ. Нелюбящаго гостя пусть и Богъ не любить: заходи!“

Зашелъ онъ въ домъ; хозяйка посадила его и угостила богато. Хозяйка очень полюбила гостя, и онъ сталъ заглядывать на нее, говорить вольныя шутки и, наконецъ, захотѣлъ подсесть къ ней поближе. Такое необычайное поведение гостя испугало хозяйку,—она искала спасенія въ бѣгствѣ; гость погнался за нею, но не догналъ и возвратился на свое мѣсто. Возвратилась и хозяйка, но держала себя очень осторожно.

Вдругъ раздались выстрѣлы, пѣсни, шумъ, крикъ, джигитовка... Сильно испугался чеченецъ и спросилъ у хозяйки, что это значить; она отвѣчала, что это вернулся съ войны ея мужъ, князь, которому все то селеніе повиновалось. Испугался онъ: „Какъ тутъ быть?“ думаетъ „вѣдь она расскажетъ мужу все, и онъ меня навѣрно убьетъ“.

Пріѣхалъ князь домой, слѣзъ съ лошади и зашелъ въ кунацкую, гдѣ сидѣлъ чеченецъ-гость; увидѣвъ гостя, князь учтиво поздоровался съ нимъ, разспросилъ кое-о-чемъ и зашелъ въ другую комнату снять съ себя лишнюю одежду и оружіе. Жена помогаетъ ему снимать оружіе, бурку и т. п., а мужъ спрашиваетъ о томъ, какъ она угостила гостя: накормила ли его, какъ слѣдуетъ, словомъ, обошлась ли съ нимъ такъ, какъ обошлась бы при мужѣ. Жена отвѣчаетъ, что все сдѣлала, какъ слѣдуетъ, но что гость-то нечестный человѣкъ.

— „Какъ-такъ?“ сурово спросилъ князь.

Въ отвѣтъ она рассказала о случившемся.

— „Что-жь?“ сказалъ князь, „ты не должна была бѣжать отъ него, а была обязана согласиться на его требованія; на то онъ гость“.

Послѣ этого князь намѣренно уѣхалъ на добычу, а жена строго приказалъ во всемъ подчиняться гостю. Послѣ этого жена сама садилась около гостя, но гость теперь держалъ себя съ нею, какъ родной братъ. Черезъ нѣкоторое время князь возвратился домой и спросилъ жену о томъ, какъ держалъ себя гость. Жена рассказала все, какъ было. Тогда князь сказалъ чеченцу:

— „Я не имѣю братьевъ... Оставайся ты у меня и будь братомъ моимъ. Я пополамъ раздѣлю съ тобою все свое богатство. Если же не хочешь ты этого, я повезу тебя туда, куда пожелаешь“.

Выслушавъ чеченецъ князя, поблагодарилъ его за доброту и объявилъ, что онъ желаетъ продолжать свое путешествіе въ Мекку. Князь тогда одѣлъ, обулъ его, приготовилъ для него на дорогу много провизіи и отправился съ нимъ, вдвоемъ. Шли, шли они и пришли къ одной рѣкѣ, черезъ которую долженъ былъ проходить караванъ, покинувшій чеченца. Дорогой князь сказалъ ему, что доставить его на то мѣсто, куда караванъ непременно долженъ будетъ притти.

Переправились черезъ эту рѣку и расположились на берегу ея въ ожиданіи каравана. Черезъ нѣсколько дней пришелъ туда и караванъ. Удивились товарищи, что чеченецъ опередилъ ихъ. Князь распрощался съ чеченцемъ, далъ ему триста рублей, передалъ его товарищамъ, и вернулся къ себѣ домой.

Между тѣмъ караванъ прибылъ въ Мекку. Пилигримы поклонились святынѣ и потомъ разошлись по разнымъ городамъ. Чеченецъ, теперь уже носившій почетное имя хаджи, попалъ въ Константинополь и поступилъ на службу къ богатому купцу. Прослуживъ много лѣтъ, чеченецъ и самъ сдѣлался богачомъ: открылъ свою большую лавку, занялся разными подрядами и зажилъ, какъ говорится, широко; особенно много онъ получалъ выгоды отъ продажи

невольниковъ, которыхъ, какъ и другіе купцы, закупалъ на невольничьемъ рынкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ видѣть однажды чеченецъ среди невольниковъ того самаго князя, у котораго онъ гостилъ, а также жену и сына его. Никому ни слова не говоря и не давая знать этому семейству о себѣ, чеченецъ покупаетъ ихъ по-одиночкѣ, не торгуясь о цѣнѣ: впередъ купилъ князя и послалъ съ приказчиками домой, сказавъ, чтобы заперли его въ отдѣльной комнатѣ; затѣмъ купилъ жену, также послалъ домой и приказалъ запереть ее въ другой комнатѣ, и наконецъ купилъ сына ихъ и пошелъ съ нимъ самъ домой и заперъ его въ третьей комнатѣ. Семейство не знало, что оно въ полномъ составѣ попало къ одному хозяину и въ одинъ домъ, не узнало и чеченца. Потомъ онъ сталъ угощать ихъ какъ можно лучше. Каждому изъ нихъ чеченецъ говорилъ, чтобы они не стѣснялись ни въ чемъ, требовали бы всего, что только возможно достать золотомъ на земномъ шарѣ. Такъ, не показывая ихъ другъ другу, кормилъ чеченецъ ихъ долго. Наконецъ, онъ рѣшилъ соединить семейство и сказалъ князю:

— „Я хочу женить тебя“.

— „Нѣтъ“ говоритъ князь, „я старъ,—куда мнѣ жениться!..“

Но, сколько князь ни отговаривался, чеченецъ уговорилъ его, и тотъ, не желая огорчать купца, согласился жениться. Потомъ чеченецъ пошелъ къ женѣ его и предложилъ ей, не пожелаетъ ли она выйти замужъ. „Одной“, говорилъ онъ, „жить скучно!“

— „Нѣтъ“ сказала она, „я стара,—куда мнѣ замужъ выходить! Да и кто возьметъ такую старуху?“

Но какъ она ни отговаривалась, купецъ настоялъ на своемъ, и она согласилась въ угоду купцу. Сыграли свадьбу широко, и новобрачные поселились въ одной комнатѣ. Князь и жена узнали другъ-друга и удивились тому, какъ они очу-

тились неожиданно вмѣстѣ. Сговорились они не давать знать купцу, что они раньше были въ супружествѣ. А князь-то это еще на рынкѣ зналъ. Черезъ нѣсколько дней купецъ-чеченецъ пошелъ къ новобрачнымъ и говорить:

— „Вы стары, и ребенку у васъ вѣроятно не быть; дозвоьте мнѣ, и я дамъ вамъ мальчика, вы его усыновите, и онъ будетъ вашимъ сыномъ“:

Мужъ и жена согласились. Купецъ привелъ имъ мальчика и ушелъ отъ нихъ. Сынъ узналъ родителей, а родители его. „Вотъ это такъ хорошо! значить, мы всѣ трое теперь вмѣстѣ“ сказали они другъ-другу и въ строгой тайнѣ держали отъ купца свое прошлое. Такъ втроемъ жили они въ раздольѣ, богато, ни въ чемъ не нуждались и только тосковали по родинѣ.

Стыдно стало имъ жить такъ богато, ничего не дѣлая.

— „Давайте-ка на дворѣ купца хоть что-нибудь приберемъ“, сказали они другъ-другу. Мужъ пошелъ въ конюшню, а жена отправилась коровъ доить. Выходить купецъ и видѣть, что мужъ и жена работаютъ.

— „Кто вамъ приказалъ работать?“ крикнулъ онъ. „Идите въ комнату и сидите, пока я вамъ не прикажу работать!“

Бросили они работу, зашли въ комнату и ничего съ тѣхъ поръ не работали. Спустя нѣкоторое время, купецъ и говорить своему невольнику, князю:

— „У меня ни одного брата нѣтъ,—будь моимъ братомъ и бери половину всего моего состоянія! Если же не хочешь, то повезу тебя съ семействомъ туда, куда только пожелаешь“.

— „Вези насъ, если такъ, на родину!“ отвѣтилъ князь.

— „Хорошо!“ сказалъ купецъ. Приготовилъ онъ для семейства много провизіи, большой сундукъ золота, разныя драгоценныя вещи, заложилъ въ коляску тройку лошадей... Поса-

диль ихъ купецъ, взялъ также сѣдло, и поѣхали. Когда они доѣхали до той рѣки, до которой князь проводилъ когда-то чеченца, они остановились, купецъ отпрягъ третью лошадь, осѣдлалъ ее и приготовился ѣхать назадъ, попрощался съ ними, просилъ, чтобы въ случаѣ нужды пріѣхали къ нему; подарилъ имъ коляску со всѣмъ, что въ ней находилось, и съ кучеромъ, и поѣхалъ назадъ. Купецъ и здѣсь не открылся своимъ гостямъ. Когда онъ отѣхалъ уже далеко, жена и говорить князю:

— „Ты знаешь, кто онъ такой? онъ тотъ самый чеченецъ, котораго ты проводилъ, и который былъ у насъ въ гостяхъ“.

— „Не можетъ быть!“ возразилъ князь.

— „Это несомнѣнно“, подтвердила она, „глаза его“.

— „Что дѣлать? Такой услуги, которая превосходила бы его услугу, нельзя оказать на этомъ свѣтѣ... Вотъ развѣ убить его?—онъ пойдетъ въ рай, а я за него—въ адъ“, рѣшилъ князь и побѣжалъ за нимъ назадъ съ шашкой въ рукахъ. Жена крикомъ удерживаетъ его. Оглянувшись въ это время на крикъ ея купецъ и, видя, что гость догоняетъ его, повернулъ лошадь назадъ и поѣхалъ къ нему навстрѣчу. Жена, желая предупредить бѣду, и говорить купцу, что мужъ хочетъ убить его.

— „Пусть убиваетъ!—можетъ быть, что-нибудь не такъ я сдѣлалъ; я согласенъ и на смерть, лишь бы его желаніе исполнить“, сказалъ купецъ.

Отъ этихъ словъ купца рука князя опустилась.. Тутъ они расцѣловались, и съ того времени жили хорошими друзьями да добра много наживали.

Измаиль-Бей Магометъ Мутушевъ.